

ЗНАК-ЖЕСТ, ГИПЕРБОЛА И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН: ПРАКТИКА И КОММУНИКАЦИЯ

THE TOKEN GESTURE, HYPERBOLE, AND SYMBOLIC EXCHANGE: PRACTICE AND COMMUNICATION

ТИХОМИРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
TIKHOMIROV SERGEY ALEXANDROVICH

*кандидат филологических наук, Московский педагогический государственный университет
PhD of Philology, Moscow State Pedagogical University; e-mail: quantor@inbox.ru*

Ключевые слова: жест, знак, символ, обмен, практика, понятие, противопоставление, коммуникация, эмоция, территория, язык, единица, кинесика, сознание, гипербола, феномен, язык.

Key words: gesture, sign, symbol, currency, practice, concept, opposition, communication, emotion, territory, language, unit, Kinetika, consciousness, hyperbole, phenomenon, language.

Аннотация: В статье описаны некоторые аспекты функционирования знака-жеста, который включает в себя элементы символического обмена; отмечено, что жест ещё не является единицей коммуникации, он становится таковой только будучи наделён «общим» для сторон коммуникации значением. В статье описаны некоторые трудности «локализации» знаково-жестовых систем; их зависимость от территориальных, социальных, этнических и культурных, личностно-психологических особенностей. Типичные эмоции, выражаемые знаком-жестом - оскорбление, враждебность, дружелюбие, одобрение. Знак-жест, являясь принадлежностью т.н. «языка тела», как правило, функционирует как дополнение к естественному языку, будучи невербальным средством коммуникации и соседствуя с т.н. экстралингвистическими средствами коммуникации (интонация, ритмика, мелодика, темп речи) позволяет сделать общение максимально полным и «объемным». В данном случае мы сталкиваемся с проблемой «недостаточности / неполнозначности / дефицита языка». Однако, это не значит, что знак-жест не может функционировать автономно от естественного языка. Вместе с тем, единица жестового представления и единица языкового смысла, вербального значения хоть и тесно связаны, но (до известной степени) взаимно непроницаемы. Это принципиально неоднородные и разнородные единицы коммуникации, они не могут проникать, переходить друг в друга по причине того, что природа их слишком различно. В этом смысле знак-жест имеет ценность «первобытности», интимной до-социальности, коммуникативной непосредственности, в отличие от знака-вербума, социализировавшего коммуникацию, вещи и людей, сделав их «товаром», введя их в сложный общественно-экономический оборот и приобщив к сложной системе идеологических и мифологических отношений. При всей двойственности своей означающее-означаемой конституции (это сближающее их свойство), эти знаки «неподвижны» относительно друг друга, хотя можно говорить о некоей системе эквивалентностей между ними, как между единицами различной природы. Мы рассматриваем «язык жестов» с точки зрения анализа его единицы знака-жеста, который является вторичным средством общения по отношению к естественному языку – жест задействуется людьми без нарушения слуха, как правило, вспомогательно, дополнительно к вербальному сообщению, и люди без нарушения слуха задействуют в первую очередь «звуковые», а не жестовые языки для коммуницирования. Такие специальные жестовые языки независимы от вербализованных (звуковых и письменных) языков и развиваются по собственным принципам, законам и закономерностям. К примеру, на территории где функционируют несколько вербальных языков, может быть единственный общий жестовый язык, и наоборот. Вместе с тем, использование знаков-жестов, взамен вербализованного общения, может быть востребовано во многих критических обстоятельствах или в ситуациях. Попытка семиологического разбора совокупностей знаков-жестов приводит нас к тому, что всякая система знаков-жестов – это «коллективные представления» как знаковая система. Важнейшая проблема - проблема смысла жестового поведения; решить её только посредством этнологии жестовости, описательным анализом специализированных жестов, характерных для тех или иных социальных групп, исследованиями, связанными с кинесикой (или попыткой «примирить» лингвистику и кинесику) не представляется возможным; необходимо распределить знаки жестовой речи категориально, а жестовое поведение рассматривать не только как коммуникацию, но и как особую внелингвистическую практику.

Abstract: The article describes some aspects of the functioning of the sign-gesture, which includes elements of symbolic exchange; noted that the gesture is not yet a unit of communication, he becomes so only being endowed General to the parties to the communication value. The article describes some of the challenges of "localization" sign-in sign systems; their dependence on territorial, social, ethnic and cultural, personal psychological characteristics. Typical emotions expressed in a familiar gesture is an insult, hostility, friendliness, approval. The token gesture, as belonging to the so-called "body language", as a rule, functions as an addition to natural language, being non-verbal means of communication and neighbouring the so-called extra-linguistic means of communication (intonation, rhythm, melody, tempo of speech allows you to make communication with the most complete and "surround". In this case we face the problem of insufficiency / nepolnotsennosti / deficit language". However, this

does not mean that the token gesture can not function independently from the natural language. However, unit sign the submission and the unit of language meaning, verbal values, though closely related, but (to some extent) mutually impenetrable. This is a fundamentally heterogeneous and diverse units of communication, they cannot penetrate, to pass into each other due to the fact that nature too different. In this sense, the token gesture has value "primitive", intimate up-sociality, communicative immediacy, unlike sign-Verbum, sozialisierung communication, things and people, making their "goods" by typing them in difficult socio-economic turnover and restoring to a complex system of ideological and mythological relations. With all the duality of its meaning is meant Constitution (this is similar property), these signs are fixed relative to each other, although we can speak about a certain system of equivalences between them as between units of different nature. We consider the "language" from the point of view of analysis of its units sign-gesture, which is a secondary means of communication in relation to the natural language - gesture enabled people without hearing loss, as a rule, auxiliary, in addition to the verbal message, and people without hearing loss involves primarily the "sound" and not sign languages to communicate. Such special sign languages are independent verbalized (audio and written languages and develop according to its own principles, laws and regularities. For example, on the territory where there are several verbal languages, may be the only common sign language, and neobratimost the same time, the use of symbols, gestures, instead verbalized communication, may be in demand in many critical circumstances or situations. Attempt semiological collated sets of signs and gestures leads us to the fact that any system of signs-of gestures is "dancing" as a symbolic system. The most important problem - the problem of the meaning of the sign of conduct; to solve it only by means of Ethnology of arestovali, descriptive analysis of specialized gestures characteristic of certain social groups, research related to kinesics (or attempt to reconcile linguistics and kinetik) is not possible; it is necessary to distribute signs sign language categorical and sign the behavior be considered not only as communication, but also as a special valimuistissa practice.

Правдивость патетического жеста в величественные моменты жизни.

Бодлер

Наряду с культурой слов ведь есть и культура жестов. В мире существуют и другие языки, помимо нашего западного языка, который предпочитает обнажать и иссушать идеи, и тогда идеи предстают перед нами в своей инертности, не способные попутно привести в движение всю систему естественных аналогий, как это бывает в восточных языках.

Арто. Письма о языке

Понятие **знака-жеста** (от лат. *Gestus* - движение тела) включает в себя многие элементы символического обмена: это действие или движение человеческого тела или его части, имеющее определённое значение или смысл, то есть являющееся знаком или символом, имеющие план содержания и план выражения. Сам по себе жест ещё не является единицей коммуникации, он становится таковой только будучи наделён «общим» для сторон коммуникации значением, т.е. понятным для дешифрующих такой знак планом выражения и планом содержания. И здесь мы сталкиваемся с трудностью «локализации» знаково-жестовых систем. С их зависимостью от территориальных, социальных, этнических и культурных, личностно-психологических особенностей.

Единица языка жестов – это знак-жест, как правило, служащий для обозначения разнообразных эмоций и передачи небольших объемов информации. Типичные эмоции, выражаемые знаком-жестом - оскорбление, враждебность, дружелюбие, одобрение. Знак-

жест, являясь принадлежностью т.н. «языка тела», как правило, функционирует как дополнение к естественному языку, будучи невербальным средством коммуникации и соседствуя с т.н. экстралингвистическими средствами коммуникации (интонация, ритмика, мелодика, темп речи) позволяет сделать общение максимально полным и «объемным». В данном случае мы сталкиваемся с проблемой «недостаточности / неполнозначности / дефицита языка» (ср.: «мысль изреченная есть ложь»). Зачастую знаки-жесты используются сторонами коммуникации подсознательно, рационально-неконтролируемо. Статистически, некоторые социальные и этнические группы используют знаки-жесты чаще, некоторые - реже, и культурно приемлемый «ресурс» жестикуляции отличается в зависимости от социальных, территориальных, этнических факторов общения. Кинетическая динамика и энергетическое «наполнение» такого невербального средства коммуникации как знаки-жесты может быть различной: знак-жест в Германии, Бельгии и скандинавских странах может быть выражен еле заметным движением головы или руки, в то время, как в Греции, Италии или Испании тот же самый знак-жест может быть выражен сильным, резким, размашистым движением всей головы или руки. При этом, иногда в «языке жестов», означающих сильные страсти не важно подлинна эта страсть или нет, в этом смысле по выражению Р. Барта «публика требует образа страстей, а не самих страстей как таковых. Проблема правды <...> не более важна, чем для театра. <...> Все внутреннее удаляется ради внешней знаковости, содержание всецело исчерпывается формой - торжествует принцип классического искусства. <...> жест <...>, чтобы быть правдивым, не нуждается ни в каком сюжете, ни в какой декорации, одним словом, ни в каком психическом переносе» [4, С. 77]. Мы имеем в этом смысле знак-жест как «безупречное действие нравственной механики <...>, величественное зрелище Боли, Поражения и Справедливости <...> как на средневековых «пиетта» <...> лицо, искаженное невыносимым горем» [4, С. 77-78]. Знак-жест, таким образом, сопряжен в основном с искренней эмоциональностью, иногда – импульсивностью и его антиподом с психической точки зрения будет являться застенчивость, робость, закрытость. Жесту поведенчески присуща раскованность, открытость. Жест имеет древнюю природу, ср.: «Если ты недоступен для нашего языка и не внемлешь нашим доводам, тогда говори нам своими варварскими жестами, без голоса (Эсхил. Агамемнон).

Ф. Ницше в «Дионисийской концепции мира (Лето 1870 г.) отмечает: «Используя жест, он остается в границах вида, а значит, мира феноменов, но посредством звука он разлагает мир феноменов в его первичной целостности... обычно всякому жесту

соответствует некий параллельный звук; язык образуется посредством теснейшего и обыкновеннейшего единения особого рода символической мимики и звука».

Вместе с тем, единица жестового представления и единица языкового смысла, вербального значения хоть и тесно связаны, но (до известной степени) взаимно непроницаемы. Это принципиально неоднородные и разнородные единицы коммуникации, они не могут проникать, переходить друг в друга по причине того, что природа их слишком различно. В этом смысле знак-жест имеет ценность «первобытности», интимной до-социальности, коммуникативной непосредственности, в отличие от знака-вербума, социализировавшего коммуникацию, вещи и людей, сделав их «товаром», введя их в сложный общественно-экономический оборот и приобщив к сложной системе идеологических и мифологических отношений.

При всей двойственности своей означающее-означаемой конституции (это сближающее их свойство), эти знаки «неподвижны» относительно друг друга, хотя можно говорить о некой системе эквивалентностей между ними, как между единицами различной природы.

Отметим, что в настоящей работе мы не рассматриваем т.н. **жестовый язык**, как самостоятельный, естественно возникший или искусственно созданный язык, состоящий из комбинации жестов, каждый из которых производится руками в сочетании с мимикой, формой или движением рта и губ, а также в сочетании с положением корпуса тела, который используется в культуре глухих с целью коммуникации.

Мы рассматриваем «язык жестов» с точки зрения анализа его единицы знака-жеста, который является вторичным средством общения по отношению к естественному языку – жест задействуется людьми без нарушения слуха, как правило, вспомогательно, дополнительно к вербальному сообщению, и люди без нарушения слуха задействуют в первую очередь «звуковые», а не жестовые языки для комунцирования.

Такие специальные жестовые языки независимы от вербализованных (звуковых и письменных) языков и развиваются по собственным принципам, законам и закономерностям. К примеру, на территории где функционируют несколько вербальных языков, может быть единственный общий жестовый язык, и наоборот[7].

Вместе с тем, использование знаков-жестов, взамен вербализованного общения, может быть востребовано во многих критических обстоятельствах или в ситуациях, когда передавать вербальную информацию невозможно или трудно (при невозможности использования вербализованного языка человек иногда инстинктивно может задействовать жесты, например Baby Sign и Home Sign являются доказательством этого). Однако, описанные нами выше системы знаков-жестов не образуют самостоятельного жестового

языка, они достаточно примитивны в сравнении с языками как таковыми. Назначение знака-жеста – как правило, в его зрелищности, экспрессивности, «объемности». Главное свойство всякого зрелища – «его способность отменить понятия мотивов и последствий», мгновенность картин «в которых запечатлевались бы те или иные страсти» [4, С. 74]. Сумма знаков-жестов может быть суммой отдельных зрелищ, «ни одно из которых не является функцией чего-то иного; в каждом своем моменте <...> целостное знание той или иной страсти, которая вздымается прямо и одиноко, никогда не простираясь вдаль, к венчающему её исходу» [4, С. 74].

Первые научные (в современном понимании научности) исследования «языка жестов» начались с работы Ч. Дарвина «Выражение эмоций у людей и животных». Можно сказать, что на этом этапе исследования главенствовала идея, что слова транслируют информацию, а жесты устанавливают те или иные межличностные отношения. Ч. Дарвин проявлял интерес к указанной проблеме в виде вопросов типа: «Какими вообще бывают мимические выражения?», «Являются ли выражения лица, которые возникают у людей во время самых примитивных физиологических или функциональных актов, одинаковыми для всех народов и культур?» и «Свойственны ли мимические выражения эмоций, которые можно встретить у людей, также животным?» [1]. Можно с достаточной долей условности говорить о том, что Ч. Дарвин придерживался взглядов на универсальный характер знаков-жестов и универсальности лицевого выражения эмоций. Вместе с тем, проблема соотношения языкового/речевого кодов не решена до сих пор. Жестовая коммуникация унаследована современными людьми из своей «природной истории», как правило, люди владеют «языком жестов» как некой данностью. В связи с экспрессивным характером многих жестов, в том случае, когда они делаются произвольно-автоматически, солгать на «языке жестов» очень трудно; эта особенность используется в бизнесе (продажи, маркетинг и др.), при обучении управленцев. При этом считается, что женщина-управленец лучше понимают т.н. «язык жестов», чем мужчина-менеджер (здесь мы, видимо, имеем дело с некоторым «гендерным стереотипом»). С точки зрения бизнес-коммуникации [10] выделяются три основных вида знаков-жестов: жесты симпатии и положительной оценки, жесты неискренности и недоверия, жесты негативной оценки и агрессии.

Существует также такой тип знаков-жестов как «зеркальные» жесты: «отзеркаливание» или повторение жестов собеседника нацелено на установление т.н. «психологического контакта» и понимания, оно выражает согласие с мнением собеседника, сюда, естественно, не включаются ситуации юмористическо-игрового характера, в которых «зеркальные» знаки-жесты реализуют совершенно другие функции.

Можно ли сказать, что знак-жест способен гиперболизировать сообщаемую информацию и способен ли жест-знак быть средством гиперболизации? Думается, на этот вопрос можно ответить положительно. Т. н. «язык жестов» тяготеет к преувеличению не только в силу экспрессивности многих жестов-знаков, но и в силу человеческой потребности к актам гиперболизации в процессе коммуникативного взаимодействия. «Разно-значность» знаково-жестовых систем не является препятствием для гиперболизации. С помощью стереотипных жестовых моделей поведения в коммуникативном акте передается огромное количество сообщений, воспринимаемых визуально. Визуальный модус восприятия является здесь ведущим (ср. *Идешь, на меня похожий, / Глаза устремляя вниз. / Я пропускала тоже, / Прохожий, остановись* (М. Цветаева); *Вытянувшийся в струнку городской на мгновение впился в кондуктора грозным взглядом, затем тотчас уставился на замедлившую ход легкую коляску, запряженную парой прекрасных рыжих лошадей* (М. Алданов); *Елена Павловна смерила меня быстрым и пристальным взглядом* (А. Апухтин).

Одна из самых интересных закономерностей визуального восприятия жестов применительно к их речевому сопровождению, свойственная, например, русской культуре, заключается в том, что когда человек жестикулирует и говорит одновременно, то он очень редко смотрит непосредственно в глаза собеседника, кроме определенных семиотических актов. Это может быть связано с трудностью одновременно говорить, жестикулировать и «считывать», т.е. передавать-получать информацию из глаз собеседника. Замечено, однако, что говорящий смотрит на слушающего, когда делает экспрессивный (в том числе «преувеличенный») жест и / или заканчивает фразу (когда происходит синтаксический «стопор»). Цель, видимо, в том, чтобы понять: установлена ли связь, донесена ли информация, какова реакция на речевой (языковой) и жестовый текст. Напротив, слушая и наблюдая за жестами, в русской культуре общения принято смотреть собеседнику прямо в глаза.

Для реализации гиперболы в процессе такого рода коммуникации характерен и прямой взгляд, который всегда фиксируется адресатом, он имеет важные социальные и коммуникативные функции. Адресат всегда обращает внимание на прямой взгляд в глаза, обычно трактуя его как взгляд особо важного сообщения, вызова, гипнотический или агрессивный. Напротив, отвод глаз в сторону и опускание глаз – это миролюбивый, успокоительный коммуникативный сигнал.

Однако, прямой взгляд еще не свидетельствует о том, что установлен визуальный контакт. Нередко таким мимическим знаком-жестом пользуются для того, чтобы акцентировать внимание в ситуациях, когда речевой сигнал «не проходит».

Ср.: Доченька, - мягко заметила Тата, - когда разговариваешь с мужчиной, не надо полахать ему в глаза. - Куда же мне смотреть, мама? - полахнула на нее невестка. - Бери немножко левее, - сказала Тата и добавила, показывая, что деликатность в своем роде тоже необъятна: - Можно и правее взять. А в глаза мужчине полахать некрасиво (Ф. Искандер. Табу). Визуально-жестовый контакт может быть непосредственно связан с девиациями в поведении и психическим нездоровьем, однако, такие случаи мы здесь не рассматриваем. Тело человека, таким образом, - это богатейшее поле и средство экспрессии, где наивная выразительность гиперболы может быть передана наиболее простым и быстрым способом – знаком-жестом.

Многие формально сходные знаки-жесты имеют разные значения и смыслы в разных странах, социальных и этнических группах, несмотря на то, что план выражения – один и тот же. Знак-жест может быть вполне нейтральным на одной территории и негативно/позитивно-оценочным на другой территории. Кроме того, однотипные или идентичные знаки-жесты могут иметь некоторые отличия в планах содержания в разных странах. Например, русский при счете на пальцах, как правило, загибает пальцы внутрь ладони, в то время как американец, напротив, - разгибает пальцы.

В «западной» культуре пальцы, расположенные в виде латинской буквы «V» имеют единое значение – «победа», «достижение цели», «благополучный исход» (victory), однако ещё 60 лет назад этот же знак-жест пальцами, поднятыми над собеседником в процессе разговора, означал призыв замолчать. В Италии этот знак-жест имеет значение супружеской измены, неверности. В России т.н. знак-жест «коза» выражает угрозу в криминальной и некоторых других субкультурах.

Вообще, в криминальной и криминализованной среде принято очень осторожное обращение со знаком-жестом (впрочем, как и со словом). Это связано с особой системой ценностей, существующей в данной субкультуре. До известной степени эта точность и аккуратность сближает жесты данной среды с жестами борца, для которого задача не в том, чтобы «победить», а в том, чтобы аккуратно исполнить ожидаемые от него жесты. Говорят, что в дзюдо есть своя тайная символика: при всей своей действенности, движения там короткие, сдержанно-точные, прорисованные четкой тонкой линией. Напротив, в кетче нам предлагаются жесты чрезмерные, их значение эксплуатируется до пароксизма. В дзюдо поверженный борец едва касается земли, он катается по ней, увертывается, пытается избежать поражения, а если уж оно очевидно, то немедленно выходит из игры. В кетче поверженный борец подчеркнуто повержен, до предела насыщая взор зрителей нестерпимым зрелищем своего бессилия». Точно так же эмфаза

свойственна и античному театру, где «сюжет, язык и аксессуары (маски, котурны) все вместе способствуют сверхнаглядному выражению Неизбежности» [4, С. 74-75].

Любопытно в этом смысле не столько функционирование знака-жеста в криминальной и криминализованной среде, сколько отражение такого функционирования, к примеру, в кино. Р. Барт отмечает, что «в фильмах «черной серии» уже сложился целый каталог жестов <...> Мир гангстеров – это прежде всего мир хладнокровия. <...> Происшествия, <...> например, смерть человека, - сводится здесь к голой схеме, сокращаются до крохотного атомарного жеста; на схеме чуть сместились линии, два пальца чуть шелкнули друг о друга, и на другом краю поля нашего восприятия со столь же условным жестом падает человек. Подобный мир литот <...> еще и мир феерии» [4, С. 135]. Литота здесь (в нашем понимании) – это разновидность гиперболы. План содержания знака-жеста преувеличивает смысл происходящего (преувеличение до преуменьшения также является здесь типом преувеличения) [9]. Знак-жест функционирует, таким образом, как гипербола – прием качественно-количественного преувеличения, но гипербола не языковая (речевая), а визуально воспринимаемая (задействуется только визуальный модус восприятия, это основной «фильтр» для декодирования знака-жеста). Вместе с тем кино-театральный мир гангстеров – это отражение классической античной трагедии, где знак-жест равен знаку-поступку, сведенному к минимальному объему движений. Р. Барт подчеркивает «семантическую разработанность этого мира, интеллектуальную (а не только эмоциональную) структурированность зрелища» [4, С. 136].

Знак-жест выхватывания пистолета из-под пиджака, с описанием рукой «безупречной параболы» - еще не означает «смерть», но означает «опасность смерти». «Старина Кольт» - это особый язык, «его функция поддерживать жизненное давление, не давать времени завершиться; это логос, а не праксис» [4, С. 135]. Такой знак-жест реализуется в «пустоте языка», естественный язык нем, он молчит и в этом смысле «непринужденность всегда означает, что действительно одно лишь молчание; в таких жестах, как вязание, курение, поднятый палец <...> мысль о том, что настоящая жизнь осуществляется в безмолвии и человеческий поступок всецело властен над временем <...> иллюзия надежного мира, способного меняться лишь под давлением поступков, но не слов; гангстер изъясняется только жестами, слово для него – нечто вроде поэзии, оно не обладает никакой демиургической функцией; для гангстера разговаривать – значит демонстративно бездельничать. В основе здесь мир мягких, точно рассчитанных жестов, воплощающих в себе чистую действенность; а уже поверх этой основы – завитушки арготической речи, служащие ненужной (то есть аристократической) роскошью в этой

своеобразной экономике, где меновую стоимость имеет только жест» [4, С. 135-136]. «Язык слов», таки образом, пуст и не соприкасаем с реальностью и, а contrario, «язык жестов» - наделен способностью полноты и воздействия на реальность. Мы имеем своеобразную «мечту чистого социализма» - мир идеального учёта и контроля, «идеально покорный мир, управляемый одним лишь набором жестов, без всякого тормозящего действия языка. Гангстеры и боги не разговаривают – они помахивают головой, и все свершается» [4, С. 137].

К примеру, знак-жест «прощание» имеет несколько разный план выражения в зависимости от этнических и территориальных факторов: русские, поднимая ладонь и слегка сгибая её, качают ею вперед-назад. В Италии жест видоизменен – ладонь при этом обращена к себе. Англичане очень медленно передвигают ладонью в пространстве из стороны в сторону, а латиноамериканцы, прощаясь и приветствуя друг друга, обнимаются и хлопают друг друга по спине (ср.: с аналогичным знаком-жестом в России).

Вместе с тем, широко используемые жесты могут включать в себя действие-указание на какой-либо объект; знаки-жесты указания, как правило, имеют одинаковый смысл в разных социальных и этнических группах, на разных территориях. Нередко знак-жест из невербального средства общения становится экстралингвистическим средством: жесты тела в этом случае используются синхронно, дополнительно, сопроводительно ритмике речи, чтобы подчеркивать отдельные слова или словосочетания, выделить важную мысль.

Знак-жест является важнейшей коммуникативной единицей в целом ряде зрелищных представлений, к примеру, - в кетче. Как указывает Р. Барт: «особенность кетча – в том, что это зрелище чрезмерности. В нем мы, очевидно, находим ту эмфазу, которой отличается античный театр». Зрителям предлагается «лицезреть представляемую в нем Боль» [4, С. 73].

«Язык жестов» активно функционирует не только в криминальной и криминализованной среде. «Языком жестов», например, разговаривают с Е. Г. Боннер и А. Д. Сахаровым спецслужбы СССР, что описано в [8].

Интересны знаки-жесты «не проявления» «человеческого лица» (в то время, как «природный» знак-жест есть как раз такое «проявление»); о чем то подобном говорит А. Д. Сахаров, вспоминая о разговоре двух сотрудников ЦК КПСС: «Речь шла о только что выпущенном на экран советском фильме «Шестое июля (о восстании левых эсеров в 1918 году): - Такой фильм нельзя выпускать на экраны. Ленин в нем показан в минуту сомнений, почти слабости. Это недопустимо. В разговоре, по-моему, интересна чувствительность работников идеологического аппарата КПСС к малейшим проявлениям

«человеческого лица» (исторически истинным или придуманным – это все равно) в канонизированном образе «создателя советского государства». Не случайно в этот же год по «человеческому лицу» в Чехословакии прошли гусеницами танки» [8, С. 299].

Если рассматривать знак-жест в широком смысле как жест-поступок, можно отметить «переход Рубикона» А. Д. Сахаровым в 1968, разделивший его жизнь на два больших периода: до и после этого жеста поступка, ср.: «В 1968 году я сделал свой решающий шаг, выступив со статьей «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Случилось так, что это был год Пражской весны» [8, С. 282].

Важно отметить целый ряд разноаспектных жестов-предупреждений, последовавший после этого в адрес академика А. Д. Сахарова; к примеру, речь Шолохова на съезде писателей, где он сказал, что «в наше время» таких «как Сахаров» - расстреливали, или речь Славского на партконференции, где он сказал: «Сахаров хороший ученый, он много сделал, и мы его хорошо наградили. Но он шалавый (*т. е. неразумный, без царя в голове – А. С.*) политик, и мы примем меры» и подобные «сигнальные» знаки-жесты 276 (ср. с «сигналами» «доктора» Обухова, гл. врача: «Смотрите, Андрей Дмитриевич, опять женскую бригаду пришлю» или «Умереть мы вам не дадим, а инвалидом сделаем. Вы будете в таком состоянии, что сами штанов расстегнуть не сможете» [8, С. 784]).

«Меры», как известно, не заставили себя ждать и в период горьковской изоляции спецслужбы (в первую очередь – КГБ СССР) пытались выработать особый язык жестов, для коммуникации с А. Д. Сахаровым и его женой: угон автомобиля, проколы колёс, разбитые автомобильные стекла, оставление надписей на автомобиле, подмена содержания писем и посылок со специфическим «новым» содержанием (изображения динозавров, жертв катастроф и проч.), пропажи личных вещей и подмены их новыми вещами, дезинформационная «игра» на уровне фильмов, снятых скрытой камерой и фотографий, сделанных тайно и др.

Вот на что указывает по этому поводу Е. Г. Боннер: «Я говорю, что языком поломки или угона машины наши стражи разговаривают с нами. Разговаривают они еще и по-другому – языком пропаж и последующих подкидываний различных вещей. Очки пропадают неизменно и потом находятся именно там, где мы их оба искали. <...> Я стала записывать. Вот такая глупость: «Пропала зубная щетка, ия, и Андрей оба смотрели в ванной в стаканчике» и дата; спустя неделю и больше: «Ура, щетка в стаканчике» и дата. <...> так пропадали книги, <...> зубной протез. Я не буду перечислять все малые и большие пропажи и возвраты. <...> Пропал приговор суда по моему делу, пропадали и без

Андрея разные бумаги. Этот круговорот вещей создает ощущение, с одной стороны, какого-то кафкианского кошмара, и с другой – что ты на предметном стекле какого-то микроскопа, над тобой проводят опыты» [8, С. 743-744].

Важно отметить такой знак-жест как посылка с крупными тараканами: «он распаковал пакеты с препринтами, и вдруг из одного пакета к нему на стол выбежало полтора десятка больших тараканов. <...> это демонстрация презрения со стороны ГБ. Дескать, вы – голодающие тараканы. Конечно, эта интерпретация – быть может, плод моего воображения. Эллинам тоже не легко было догадаться, что означает посылка от скифов (стрела, лягушка, еще что-то <...>). Такой же (но не столь отвратительный) язык жестов – пустые заклеенные конверты вместо писем от друзей» [8, С. 744]. Рассмотрим здесь же жест-«поздравление»: «на ветровом стекле нашей крупно по снегу было написано: «БИС! Поздравляем!». «БИС» может являться аббревиатурой, и, в этом случае, означать: «Боннэр и Сахаров» [8, С. 786] (ср. с «оперативными псевдонимами» в документах ниже).

Выдача Е. Г. Боннер приведенных ниже документов также является знаком-жестом. Это – знак-жест благорасположения, «открытости», примирения.

Справка

Дело оперативной проверки № 4490 на Боннэр Елену Георгиевну было получено 1 отделом 5 Управления КГБ СССР из УКГБ по г. Москве и Московской области 16 декабря 1971 года и зарегистрировано как ДОП № 3223.

29 декабря 1972 года ДОП № 3223 переведен в дело оперативной разработки № 10740, 4 июля 1988 года к этому делу приобщено ДОР № 1532 в 200 т. на Сахарова А. Д. («Аскольда»), полученное из УКГБ по Горьковской области (наш рег. № 14616).

Секретно
Утверждаю
Начальник 5 Управления КГБ СССР
генерал-майор Иванов Е. Ф.
6 сентября 1989 г.

Постановление

о прекращении производством дела
оперативной разработки № 10740.

9 августа 1989 г., я, начальник 1 отделения 9 отдела 5 Управления КГБ СССР полковник Шевчук А. К., рассмотрев материалы дела № 10740 на «Лису» с окраской «антисоветская агитация и пропаганда», нашел: материалы дела утратили свою актуальность, в связи с чем

в ОСК: Боннэр Елена Георгиевна по ДОР № 10740

постановил: дело прекратить со снятием объекта дела «Лису» со всех видов оперативного учета, материалы уничтожить «...» < >

Согласен
Начальник 9 отдела 5 Управления КГБ СССР
полковник Баранов А. В.

На обратной стороне:

Акт об уничтожении дела № 10740

<...> «...» 6.09.1989 г. путем сожжения уничтожены тома (перечислено 7 номеров – Е. Б.) дела № 10740.

Четыре документа из дела изъяты «...», а именно

1. Заключение об осведомленности «Аскета» (еще одно их кодовое имя Сахарова – Е. Б.) в государственных секретах особой важности «...»

2. «...» и одна кассета с магнитной пленкой «...»

Ранее были уничтожены следующие тома дела (перечислено еще 576 номеров – Е. Б.)

Кодирование имён Е. Г. Боннер и А. Д. Сахаровым оперативными псевдонимами «Аскольд», «Аскет» и «Лиса» и т.п. – это также жестовые явления. Жест здесь подчеркивает то, что «кодовые псевдонимы» отражают какую-либо особенно важную, характерную сторону личности «разрабатываемых».

В определённой среде существует поговорка: «Лучший агент – это бывший уголовник». Активизация жестового коммуницирования в описанных случаях связана с целым рядом сложных причин и неоднозначных обстоятельств. Дело в том, что знак-жест может не только транслировать информацию, но и «прятать», «трансформировать», «раздваивать» её [11]).

Существуют жесты-мелодии, жесты-песенки, ср.: Wir – alten Affen / Sind neue Waffen (из песенки стариков фольксштурмеров в нацистской Германии).

Существует некая тенденция, в рамках которой, чем южнее территория, тем активнее её жители жестикулируют, тем экспрессивнее их мимика, ярче и резче «язык жестов». В Европе активной жестикуляцией отличаются итальянцы: к примеру, существует около 10 способов выражения знаками-жестами своего восхищения женской красотой.

Указывая на секретность информации, русские и немцы прикладывают палец к губам, в то время как англичане – к носу. К примеру, в Италии этот знак-жест является предупреждением об опасности.

В англоязычных странах «круг» из большого и указательного пальцев правой или левой руки означает «всё идет по плану», «всё хорошо». Однако в Японии этот знак-жест означает просьбу о займе, в Бразилии – сексуальное желание, во Франции – сомнение,

недоверие, маркер лживости собеседника. В Турции и Греции этот знак-жест маркер гомосексуальности.

В отличие от русских, украинцев и латиноамериканцев, а также некоторых других народов японцы не применяют рукопожатий, объятий, похлопывания по спине, плечам, корпусу, прикосновение к собеседнику – это проявление крайнего неуважения, большое оскорбление, крайняя вульгарность.

В Португалии знак-жест приставления ко лбу двух указательных пальцев рук означает информирование адресата о том, что ему изменяют. Это знак-жест оскорбления, в частности такой знак явился причиной отставки в июле 2009 года министра экономики Португалии Мануэля Пинью. В ходе дебатов в парламенте Португалии министр показал знак-жест приставления ко лбу двух указательных пальцев рук своему оппоненту от Коммунистической партии. Оскорбительный жест вызвал негативную реакцию общественности и парламентариев, в итоге министр подал в отставку (ср. с жестами главного тренера сборной России Олега Знарка в мае 2014 года, которые стоили ему дисквалификации на финальном матче чемпионата мира против сборной Финляндии).

Бытует мнение, что жестовость есть нечто механическое, дополнительное к языку/речи, их «иллюстрация-удвоение», а также некая визуализация и «побочная репрезентация» (Ф. Ницше), а не относительно самостоятельный процесс. Жестовость не сводится к такого рода репрезентации. Это процесс, представленный в виде коммуникации (уже - системы символического обмена), это иной, по сравнению со словесными языками, тип семиотической практики.

Как отмечает Ю. Кристева, «при анализе жестовости как практики проблема значения отступает на второй план. Поэтому наука о жесте, если она стремится внести свой вклад в общую семиотику, не должна обязательно придерживаться моделей, разработанных в лингвистике; она обязана выйти за ее пределы, расширить их, а для этого прежде всего необходимо взглянуть на «смысл» как на указание, а на «знак» - как на «анафору». Все эти соображения по поводу особенностей жестовой функции преследуют одну цель - наметить возможный подход к жестовости как к деятельности, не сводимой к знаковой коммуникации. Совершенно очевидно, что при этом подвергаются сомнению философские основы современного языкознания, и возникающие проблемы могут быть разрешены лишь путем создания некоей аксиоматизированной методологии. Мы постарались лишь показать, что если лингвистика, по словам Якобсона, долго боролась за «аннексию звуков речи... и *инкорпорирование языковых значений*» (курсив наш. - Ю. К.), то теперь, видимо, пришла пора аннексировать жесты и инкорпорировать процесс производства в семиотическую науку» [6].

Попытка семиологического разбора совокупностей знаков-жестов приводит нас к тому, что всякая система знаков-жестов – это «коллективные представления» как знаковая система.

Таким образом, важнейшей проблемой, которая не решена до сих пор, является проблема смысла жестового поведения и решить её только посредством этнологии жестовости [2], описательным анализом специализированных жестов, характерных для тех или иных социальных групп [3], исследованиями, связанными с кинесикой (или попыткой «примирить» лингвистику и кинесику), не представляется возможным.

В настоящий момент необходима более-менее «универсальная» типология знаков-жестов, важно распределить знаки жестовой речи категориально, а жестовое поведение рассматривать не только как коммуникацию, но и как особую внелингвистическую практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Darwin Ch. The Expression of the Emotions in Man and Animals. New York: Philosophical Library, 1872 [3rd ed. - 1965].
2. Hewes G. Word Distribution of Certain Postural Habits // *American Anthropologist*. Vol. 57, 2, 1955.
3. Saitz R. L. and Cervenka E. J. Colombian and North American Gestures, a contrastive Inventory. Bogota: Centre Colombo Americane, Corrego 7, 1962. P. 23-49.
4. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. 351 с.
5. Колесникова С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. – М.: Издательство «Высшая школа», 2010. 280 с.
6. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. - М., 2004. - С. 114-135.
7. Лазарев М.А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов // *Гуманитарное пространство*. Международный альманах. Т. 2. № 4. 2014. с. 465-475.
8. Сахаров А. Д. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. 1277 с.
9. Тихомиров С.А. Гипербола и феномен преувеличения в политической коммуникации: нарративная парадигма // *Аспирантский вестник Поволжья*, № 3-4, 2012. С. 173-177.
10. Тихомиров С.А. Теория игр: управление и управленческие коммуникации // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. № 4, 2013. С. 27-33.
11. Тихомиров С.А. К вопросу о «двойном послании» (double bind) в корпоративных коммуникациях и управлении // *Управленческий учет*. № 6, 2013. С. 39-47.